

СЮЖЕТНЫЕ ЛИНИИ РАННЕЙ НОВОЙ ИСТОРИИ В ЛЕКЦИОННОМ КУРСЕ Т. Н. ГРАНОВСКОГО

Курс лекций Т.Н. Грановского по истории раннего нового времени (XV–XVI вв.) близок к литературному произведению, в котором присутствует общий сюжет. Сюжет представлял собой литературное выражение исторической концепции курса как явления научной исторической мысли и заключался в преодолении западноевропейским миром средневековья и переход к новой стадии исторического и культурного развития в новое время. Общий сюжет распадался на ряд частных сюжетов.

Ключевые слова: лекционный курс, концепция, литературный сюжет, средневековье, новое время

Существенную особенность историографии эпохи романтизма составляет близость исторических трудов, научных по своей проблематике, направленности и значимости, к произведениям литературы. Художественное мастерство историка этого времени не раз становилось объектом исследования, а на отдельные крупные труды историков смотрели одновременно как на своеобразное выражение художественной прозы. На самую тесную связь между историей и литературой обращал представитель французской историографии эпохи Реставрации О. Тьерри. Форме и стилю исторического труда он придавал не меньшее значение, чем критике исторических фактов¹. Прежде всего, это касалось труда Н.М. Карамзина «История государства Российского». Традиция художественного выражения исторического материала сохранилась в русской историографии более позднего времени. В частности, она нашла выражение в лекционном курсе выдающегося русского медиевиста Т.Н. Грановского по европейской истории XV–XVI вв., когда происходил переход от средневековья к новому времени. Этот исторический текст обладает несомненными художественными достоинствами.

Курс лекций был прочитан Т.Н. Грановским в Московском университете в 1849–1850 гг. для студентов третьего курса историко-филологического факультета и второго курса юридического факультета. Он читался в течение всего учебного года. Текст его был воссоздан по конспектам лекций студентов П.А. Бессонова и П.И. Бартенева. Запись Бессонова является основной, она была просмотрена самим Грановским, который внес в нее некоторые правки. Всего курс содержал сорок девять лекций, но было подготовлено к изданию и издано сорок семь лекций. Этот курс дважды издавался в нашей стране, в 1971 и в 1986 гг.²

Одним из типичных выражений художественной прозы является наличие в ней сюжета. В литературоведении сложился взгляд на сюжет

---

¹ Биск 1996. С. 4-5.

² Лекции Т.Н. Грановского... 1971; Грановский 1986.

как на «повествовательное ядро художественного произведения». Вместе с тем признавалась возможность повторения сюжетов или наличия «странствующих сюжетов» в разных произведениях³. Еще ранее, в начале прошлого века, об этом высказывался французский драматург Ж. Польти, выделивший в драматических произведениях 36 типичных сюжетов⁴. За последнее время мысль о повторении сюжетов в литературных произведениях была воспринята и развита, но при этом правомерно обращено внимание на связь между литературным сюжетом и жизненной ситуацией, когда такая ситуация «описывается в терминах предшествующих действий», причем «человек действует по смысловым линиям сюжетных схем»⁵. Указание на связь между жизненной ситуацией и ее осмыслением и выражением относится к восприятию исторической реальности авторами источников и историками, в результате чего в исторических сюжетах имеет место определенный схематизм. Вместе с тем художественный уровень исторического произведения и уровень осмысления в нем истории проявляется в том, что историк способен ограничить такой схематизм, выявить исторические особенности объекта и предмета своего исследования. Этот уровень выражается в способности историка не потерять за неизбежным схематизмом в подаче исторического сюжета богатства и разнообразия конкретных исторических ситуаций, их особенностей, на выявление которых направлено научное историческое познание и выражение их в научных и художественных образах в рамках сюжетных линий. В полной мере это проявлялось в курсе лекций Т.Н. Грановского.

С литературным произведением труд историка того времени сближало наличие сюжета, по которому развивался излагавшийся автором исторический материал. Наличие сюжета в историческом труде возможно не только в силу его художественных достоинств. Он вместе с тем составляет художественное выражение научной концепции исторического труда, которая основана на определенной теоретической базе, соответствующей научному уровню исторической науки своего времени, и сама, в свою очередь, содержит теоретическое осмысление рассматриваемых в этом труде явлений и процессов прошлого. Между концепцией исторического труда как научного исследования и литературным сюжетом в этом труде имеется соответствие.

С точки зрения сюжета исторический труд мог представлять значительную сложность. Определялась она тем, что сложностью отличался сам исторический материал, который рассматривался историком. Он включает общий сюжет, относящийся к процессу, который являлся общей темой этого исторического труда. Но изложение общего историче-

---

³ Зунделович 1925. С. 899.

⁴ Сериков 2009.

⁵ Там же.

ского сюжета включает в себя ряд эпизодов, разных по своей значимости, которые составляют общий процесс. Каждый из таких эпизодов содержит, в свою очередь, собственный сюжет, причем все эти отдельные частные сюжеты находятся в рамках общего сюжета и позволяют представить его более полно и конкретно. Такая сюжетная сложность присутствует в труде по отечественной истории. Тем более она имеет место в труде по всеобщей истории, который охватывает разные страны Европы и процессы, относившиеся к европейскому миру в целом. Что касается курса лекций Грановского по ранней новой истории европейских стран, который относится к трудам по всеобщей истории, то в нем, помимо общего сюжета, содержатся сюжеты по отдельным ее сторонам. Это завершение объединительного процесса в некоторых европейских странах, взаимоотношения государств, характер в отдельных странах королевской власти, положение римских пап. Это также такие важнейшие для европейской жизни и европейской культуры процессы, как Реформация и Великие географические открытия.

Общий сюжет своего лекционного курса Грановский изложил в своей первой лекции. Этот сюжет соответствовал теории исторического прогресса. Он также принимал периодизацию мировой истории, в которой выделялись три эпохи – древность, средневековье и новое время. Теория исторического прогресса, а также периодизация, основанная на ее признании, составляли теоретическую основу курса и определяли взгляд на общий ход истории развития европейских стран, как отдельных из них, так и общих явлений, которые проявлялись в некоторых государствах или в европейском мире в целом. Что касается идеи развития в истории стран западноевропейского мира, то для Грановского, воспринявшего диалектику Гегеля, она представляла собой одну из современных философских идей в развитии научной исторической мысли. Эта идея пронизывает все его повествование. С учетом ее он не просто объяснял переход от одного исторического времени к другому. Он выделял качественное отличие средневековья от древности и нового времени от средних веков. Что же касается самого развития, то, в соответствии с гегелевской философией истории, Грановский видел его во всемерном повышении значимости человеческого начала, связанного с движением по пути от несвободы к освобождению и раскрытию заключенных в человеке созидательных сил. Им было глубоко усвоено основное положение Гегеля, высказанное им в его введении к курсу лекций по философии истории, что «всемирная история представляет собой *ход* принципа, *содержание* которого есть сознание свободы»⁶.

Но если Гегель подходил к выделению исторических эпох в истории человечества с позиций выявления их внутренней сущности, без прямого указания на конкретную эпоху в истории и культуре, то Грановский с его

---

⁶ Гегель 2000. С. 105.

историческим мышлением прочно связал ее с конкретным историческим временем. В древности Грановский видел господство начал несвободы, причем не только по отношению к рабам. «Государство подчинило себе все остальные области человеческой деятельности и наложило печать на всю религию, искусство; человек настолько пользовался правами, насколько принадлежал тому или другому государству», – отмечал он. Отсюда вытекало его положение: «Гражданин взял верх над человеком», и в этом состояла, по его мнению, суть отношений между человеком, обществом и государством в античное время. Личность как бы растворялась в обществе и государстве. Этому, считал Грановский, способствовало то, что «древняя жизнь была муниципальная, каждый город был отделен, пока Римская империя не расплавила их в себе самой»⁷, но городской образ жизни по-прежнему преобладал. Так видел древний мир Грановский. Свобода человека в нем отсутствовала. Человек был полностью подчинен обществом и государством, частью которого он являлся. В этом была, по мысли историка, важнейшая черта древней истории.

Новые основы жизни человека и общества наступили, как указывал он, в средневековье. Прежде всего, в средние века изменились взаимоотношения между личностью и обществом, государством. В отличие от древности, «в средней истории лицо ставит себя бесконечно выше государства», – отмечал Грановский. Отсюда он делал более широкое обобщение: «феодализм отрицал государство; мы бываем часто принуждены употреблять выражение: феодальное государство, но в сущности этого государства не было»⁸.

Таким образом, средние века представляли собой, по мысли Грановского, шаг вперед по сравнению с античностью потому, что возникли условия для освобождения личности, и появилась сама такая свободная личность, осознавшая свою значимость и ставившая себя над государством. Подобное освобождение происходило в связи с тем, что средневековье отличалось от древности неразвитостью городской жизни, когда носители власти «живут вне городов», а «города не играют почти никакой роли». Такое понимание характера перехода от древнего мира к средним векам соответствовало эпохе романтизма, когда пересматривалось просветительское положение о средневековье как о шаге назад в истории человечества. Средние века виделись как прогресс по сравнению с античностью. По мнению Грановского, такой прогресс проявился в появлении свободной личности. Другим показателем прогресса было, с точки зрения Грановского, продвижение исторической жизни за пределы Средиземноморья, на север Европы, в результате чего «народы германские становятся на первом плане»⁹. На почве христиан-

---

⁷ Грановский 1986. С.5.

⁸ Там же. С.6.

⁹ Там же. С.5.

ства возникла общность религии западных народов, и эта общность «условила возможность единой европейской цивилизации».

Вместе с тем Грановский понимал внутреннее состояние исторической эпохи по Гегелю, во всех его противоречиях, когда прогресс мог иметь свою оборотную сторону. В освобождении личности от давления государства и общества в средние века он увидел не только позитивные, но и негативные последствия: права и свободы получили далеко не все, поскольку «в феодальном государстве только господствующее сословие имело права»¹⁰. Таким образом, магистральным направлением в развитии средневекового общества был переход от всеобщей несвободы античного времени к свободе, но ограниченной, благами которой могла пользоваться только верхушка общества.

Что касается новой истории, то в курсе лекций Грановского рассматривалось ее начало, приходившееся на XV–XVI вв. Говорить в этой связи об итогах перехода к новой истории он не мог. Это относится и к раскрытию в историческом процессе западноевропейских стран идеи свободы и начал свободной жизни человека и общества. Но, вместе с тем, ему вполне удалось выявить предпосылки подобных изменений, которые в дальнейшем создавали почву для развития свободы. Заключались они в борьбе свободной мысли со старой средневековой схоластикой, которая к тому времени стала лишь «наукою о формах, бесплодно, которой назначением сделалось защищать истины и понятия средних веков», и стояла на пути развития новых общественных идей и новой культуры. Следовательно, развитие в сторону свободы осуществлялось через освобождение мысли от средневековых идей, превратившихся в догму. Грановский говорил в этой связи об отрицании средневековых теорий, церкви и средневековой науки «усилиями гуманистов». Он указал на общее настроение людей, стоявших на переднем плане культурного процесса. По его словам, возможно, что «в целой истории человечества нет такой торжественной и радостной эпохи, как эта». Отсюда он отмечал «какой-то лирический характер», которые принимали даже «сухие исследования ученых» того времени. Это была эпоха надежды на благоприятные перемены, когда в сознании людей складывались представления, что «долгие испытания кончились, что все идеалы человечества готовы осуществиться». Но Грановский при этом представлял читателю рассуждение философско-исторической значимости, в котором указывал на противоречие между сознанием человека и ходом истории, состоявшее в том, что человек «нетерпелив», но «история не торопится» и не принимает во внимание субъективных намерений и стремлений активных людей к переменам. История, по его словам, «дает время сгнить» «развалинам» старого порядка, но «разрушители прежнего порядка ни-

---

¹⁰ Там же. С.6.

когда не видят своими глазами той цели, к которой шли они». Это не случайно, поскольку, как указывал Грановский, исторические перемены происходят в борьбе нового со старым, а преодоление старого было итогом деятельности нескольких поколений всего европейского сообщества.

Важно было его указание на еще одно новое явление – новую географию, когда в результате Великих географических открытий европейский мир вышел за рамки Европы. Для новой истории это, подчеркивал Грановский, имело двойное значение. С одной стороны, в связи с разворачивавшейся в странах Европы борьбой старого с новым было необходимо «убежище для беглецов»¹¹. С другой – возможность для Европы «сбывать сюда избыток своего народонаселения, делая там смелые опыты – образовать новые общества на основании неудавшихся прежде идей».

Наконец, еще одним отличительным признаком перехода от средних веков к новому времени он считал процессы «образования национальностей». Средние века при этом отрицали «античные национальности», которые были хотя и «упрямы», но уступили средневековому порядку, когда на место «народностей» на первый план выступали «сословия», составившие феодальное общество. Процесс образования наций нового времени Грановский выделял как один из основных исторических процессов этого бурного периода, в котором «деятели» были «монархи», подавлявшие «непокорную общину и непокорный замок», в результате чего тяжело, «мучительным процессом»¹², формировались нации нового времени.

Научно-исторический анализ столь сложного процесса в жизни западноевропейского мира, который имел место в XV–XVI вв., при переходе от средневековья к новому времени, разворачивался при изложении материала в виде целого ряда сложных сюжетных линий. Вместе с тем все эти линии имели более или менее частное значение, которое проявлялось в русле главной сюжетной линии, относившейся к общеевропейскому процессу. Лекционный курс Грановского представлял собой целостное историческое произведение, в котором проявляются признаки литературного повествования. *Сюжетом его было движение западноевропейского мира от средневековья к новому времени, качественный и исключительно глубокий исторический прорыв, в результате которого человечество вырвалось из средневековой старины к достижениям новой, более высокой культуры, пришедшей ей на смену.*

Общий сюжет содержал в себе сюжеты внутренние, которые имели решающее значение для понимания процессов в развитии европейской жизни того времени. Это были сюжеты, охватывавшие явления интеллектуальной жизни и духовной культуры. Один из основных среди них относился к событиям рубежа XV–XVI вв., когда «раздался

---

¹¹ Там же. С. 9.

¹² Там же. С. 8.

страшный голос флорентийского гражданина Николая Макиавелли». Это не случайно. «Более резкого отрицания средневековых теорий нельзя себе представить»¹³, – такую общую оценку давал историк идеям, которые высказывал Макиавелли. Его сочинения, особенно «Государь», а также «История Флоренции» и беседы о Тите Ливии оказали самое глубокое влияние на современное ему общество и на разных правителей европейских стран более позднего периода, но, как обращал внимание Грановский, содержали внутренние противоречия. В этом состояла сложность и противоречивость относящегося к флорентийскому писателю сюжета. Так, с одной стороны, Макиавелли, стоявший, по словам Грановского, «на рубеже между средним и новым миром», «положил основание новым политическим идеям в Европе»¹⁴. Он подчеркивал необходимость спасения Италии, упадок которой был общим выражением порядков, установившихся в средневековье. При этом на историческое и политическое мышление Макиавелли оказала воздействие культура эпохи Возрождения. Отсюда не случайно, что выход из кризиса страны, в который она зашла в средневековье, он видел на пути обращения к идеалам античности. По словам Грановского, он «был республиканец, но республиканец в античном смысле, не понимавший потребностей нового общества, тех нравственных изменений, которые христианство произвело в Европе»¹⁵. Отсюда его обвинения христианства, когда он смешал «христианство с римской иерархией, повредившей, конечно, во многом Италии». Позитивным образцом была для него «религия римская», и он вообще «ослеплен был могуществом Рима, славой его, величием тогдашней Италии»¹⁶. Поэтому, подчеркивал Грановский, «при всеобщей порче нравственности» для спасения Италии «он жаждал диктатуры и это убеждение вынес он из изучения древности»¹⁷. Макиавелли видел диктатора в лице Цезаря Борджиа, который «вздумал основать в Италии могущественное государство»¹⁸. Ради этой цели Макиавелли допускал, что диктатор может нарушать моральные нормы, поскольку для него «понятие о нравственности было политическое, он говорил, что благо народа есть высший закон», – подчеркивал Грановский, и отмечал, что это породило «печальную известность», которой Макиавелли «пользуется доселе»¹⁹.

Стержнем посвященного Макиавелли сюжета был анализ его идей и места их в жизни Италии и Европы. Но их Грановский подавал на фоне сведений из личной жизни Макиавелли, в результате чего у слу-

---

¹³ Там же. С. 9.

¹⁴ Там же. С. 57.

¹⁵ Там же. С. 60.

¹⁶ Там же. С. 61.

¹⁷ Там же. С. 60.

¹⁸ Там же. С. 58.

¹⁹ Там же. С. 59.

шателя и читателя складывается впечатление о соответствии между биографией и идеями мыслителя. Он отмечал, что вместе со всей Флоренцией Макиавелли пережил падение режима Медичи и установление республики, реставрацию их власти и репрессии, арест и пытки, и прозябание в последние годы жизни.

Сюжет о Макиавелли был изложен Грановским ясно и убедительно. Но он не был кульминацией лекционного курса как целостного произведения, а представлял собой как бы преддверие к его кульминации. В роли кульминации выступали еще два сюжета, от которых в решающей степени зависел последующий ход событий, способствовавших выходу европейской цивилизации за пределы Европы. Это были такие крупные явления в культуре, как Великие географические открытия и Реформация, причем в центре повествования о Реформации стоял сюжет о жизни и деятельности Мартина Лютера.

Великие географические открытия были представлены Грановским как сюжет выдающейся исторической значимости и как явление, ставшее частью исключительно бурного времени. Но если в Европе вызванное Великими географическими открытиями «движение легло в основу всех новых явлений»²⁰, то на Востоке они «пропали без следа». Предпосылкой возникновения этих явлений и движущей силой сюжета Грановский представлял процесс развития мысли и знаний человечества, сумевшего преодолеть догматы средневековья и выйти на уровень науки, математических и астрономических расчетов, а также географических знаний, ставших интеллектуальными достижениями еще античной культуры. «География сделала великий шаг вперед»²¹, – подчеркивал историк. Он показывал, как в Европе постепенно укреплялась идея шарообразности земли. Кроме того, в качестве предпосылки Грановский выделил особенности внутренней жизни и развития Португалии как страны, которая внесла особенно значительный вклад в эти открытия. То же самое относилось к освещению Грановским становления и развития идеи, высказывавшейся Христофором Колумбом, о возможности морского путешествия из Европы в Азию через Атлантический океан в западном направлении. Он отмечал, что Колумбу нужно было «победить для этого подвига бесчисленное множество предрассудков», причем нередко «его считали сумасшедшим»²². Значение Великих географических открытий Грановский видел прежде всего в утверждении нового знания об окружающем мире, которое в значительно большей степени соответствовало науке, чем средневековое знание. В результате их «умы были освобождены», и это была «минута несказанно торжественная»²³. Вто-

---

²⁰ Там же. С. 74.

²¹ Там же. С. 60.

²² Там же. С. 72.

²³ Там же. С. 73.

рым по значению последствием он назвал экономику, указав, что после открытия пути в Индию португальской экспедицией Васко да Гама пришел конец «монополии венецианской торговли» со странами Востока. Объяснял он это тем, что португальцы «начали продавать индийские товары втрое, вчетверо дешевле прежней продажи, ибо Венеция должна была платить за караваны и пошлину турецким султанам». В результате «на окраине средней и новой истории возникла более твердая связь между отдельными частями нашей планеты»²⁴.

В сюжете, относящемся к Лютеру, сведения о его жизненном пути и о его деятельности переплетены между собой еще теснее, чем в сюжете о Макиавелли, в котором преобладал анализ взглядов, выраженных в его произведениях. При рассмотрении биографии Лютера Грановский указывал на то, как внешние события оказывали воздействие на его отношение к церкви и вообще к современной ему позднесредневековой германской и европейской действительности. Так, историк обращал внимание, что когда друг Лютера «был убит громом», то это так его потрясло, что «он дал обет вступить в монахи»²⁵. Еще одним ярким образцом подобного построения сюжета, относящегося к Лютеру, было противопоставление его настроений перед приездом в Рим и после близкого ознакомления с римскими порядками. При подъезде к папской столице «он был охвачен каким-то благоговейным чувством; еще вдали упал на колени и горячо молился». Но очень быстро «он разочаровался», когда «увидел вблизи поведение папы и духовенства»²⁶. Грановский показывал, как постепенно нарастала решительность выступлений Лютера, как усиливалось его влияние на общественное мнение страны, как делался он знаменитым проповедником, как его сторону принимали «сильные умы в Германии», такие, как Иоганн Рейхлин, Ульрих фон Гуттен, некоторое время Эразм Роттердамский. Но, как указывал Грановский, на сторону Лютера становились не только люди «с убеждениями и теориями», но и «из корыстных расчетов», а также движение «другое, страшное, фанатическое необразованных и грубых масс»²⁷. Это была крестьянская война 1524–1525 гг. под предводительством Томаса Мюнцера. Созданный историком сюжет о Лютере получил свое законченное выражение при характеристике отношения Лютера к восставшему народу Германии. Он «обращался к крестьянам с посланием и убеждением покориться», но в то же время «убеждал светскую власть бить их, как собак»²⁸.

Оба этих сюжета не случайно представляли кульминацию целостного повествования о начале нового времени. В самом деле, события

²⁴ Там же. С. 74.

²⁵ Там же. С. 89.

²⁶ Там же. С. 89–90.

²⁷ Там же. С. 95.

²⁸ Там же. С. 98.

новой истории развивались в новом культурно-историческом пространстве, ставшем результатом Великих географических открытий, и на основе новых идей, которые привели к расколу средневекового западного христианства и породили такое направление в христианстве, которое могло послужить религиозным и идеологическим обоснованием буржуазного общества. Сюжет европейской истории раннего нового времени должен был иметь свою развязку. Несомненно, что такой развязкой для данного периода новой истории могло бы стать освещение Английской революции середины XVII века, поскольку с этого события началось утверждение в Европе новой буржуазной формации. Выбор такой развязки Грановским логически был безупречен. В самом деле, все события и явления начала нового времени вели в конечном счете к утверждению буржуазного строя. В Английской революции выражался концентрированный итог всего европейского исторического развития за предшествовавшие ей два с небольшим столетия, хода истории в самой Англии. В то же время развязка этого курса должна была играть роль завязки следующего курса по второму периоду новой европейской истории, итогом которого, в свою очередь, была Великая Французская буржуазная революция. Сюжет, посвященный Английской революции, середины XVII века должен был излагаться в заключительных лекциях курса, но тексты двух последних из них до нас не дошли.

Являясь итогом научного анализа первых двух столетий новой европейской истории, курс лекций Т.Н. Грановского представлял собой в то же время цельное и законченное литературное произведение со своими несомненными литературными достоинствами. Не случайно студенты проявляли к лекционному курсу выдающегося историка очень большой интерес. Одним из таких достоинств являлся четко выстроенный сюжет. В нем имелась своя завязка в виде общего анализа эпохи и отличия ее от других эпох, ее кульминации, которая разделялась на освещение появления новой территории существования европейского мира и новой идеи в виде Реформации, связанной с деятельностью Лютера. Повествование шло к своей логической и исторической развязке, которая, однако, не дошла до нас в опубликованном лекционном курсе. Тем не менее, опубликованный курс лекций дает представление о сюжете его как произведения литературы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Лекции Т.Н. Грановского по истории позднего средневековья (записи слушателей с авторской правкой) / Предисловие, подготовка текста С.А. Асиновской. Примечания С.А. Асиновской и Л.А. Никитиной. М.: Наука, 1971.
- Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья / Сост. С.А. Асиновская. М.: Наука, 1986.
- Биск И.Я. Введение в писательское мастерство историка. Литературная форма исторического труда. Иваново: Изд-во Ивановского ГУ, 1996.
- Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории / Пер. А.М. Водена. СПб.: Наука, 2000.

- Зунделович Я. Сюжет // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов / под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чехихина-Ветринского. М.; Л.: Изд-во Френкель, 1925. Т. 2.
- Сериков А.Е. Типичные сюжетные схемы в повествованиях и в жизни // Вестник Самарской Гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2009. № 2 (6). С. 60-84.

REFERENCES

- Lektsii T.N. Granovskogo po istorii pozdnego srednevekov'ya (zapisi slushatelei s avtorskoi pravkoi) / Predislovie, podgotovka teksta S.A. Asinovskoi. Pri-mechaniya S.A. Asinovskoi i L.A. Nikitinoi. M.: Nauka, 1971.
- Granovskii T.N. Lektsii po istorii srednevekov'ya / Sost. S.A. Asinovskaya. M.: Nauka, 1986.
- Bisk I.Ya. Vvedenie v pisatel'skoe masterstvo istorika. Literaturnaya forma isto-richeeskogo truda. Ivanovo: Izd-vo Ivanovskogo GU, 1996.
- Gegel' G.V.F. Lektsii po filosofii istorii / Per. A.M. Vodena. SPb.: Nauka, 2000.
- Zundelovich Ya. Syuzhet // Literaturnaya entsiklopediya: Slovar' literaturnykh termi-nov / pod red. N. Brodskogo, A. Lavretskogo, E. Lunina. V. L'vova-Rogachevskogo, M. Rozanova, V. Cheshikhina-Vetrinskogo. M.; L.: Izd-vo Frenkel', 1925. T. 2.
- Serikov A.E. Tipichnye syuzhetnye skhemy v povestvovaniyakh i v zhizni // Vestnik Samar-skoi Gumanitarnoi akademii. Seriya «Filosofiya. Filologiya». 2009. № 2 (6). S. 60-84.

Шевцова Оксана Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, Южный федеральный университет, доцент кафедры речевых коммуникаций и издательского дела oksana_shevtsova@bk.ru

Plot lines of early modern history in lecture course by T.N. Granovsky

The course of lectures by on the history of early modern period (15th – 16th cc.) prepared by T.N. Granovsky is more than an academic work. It is close to the literary work, which has a general plot. The plot represented a literary expression of the historical concept of a course as the phenomena of academic history; the plot consisted in Western Europe breaking out of the the Middle Ages and its transition to a new stage of historical and cultural development to modern times. The general plot broke up to a number of subplots.

Keywords: lecture course, concept, literary plot, Middle Ages, modern times.

Oksana Shevtsova, PhD (philology), associate professor, South Federal University, Department of speech communications and publishing; basiley@mail.ru